

Интервью официального представителя Следственного комитета России В.И. Маркина газете "Собеседник"

Маркин: Со стороны всегда кажется, что громких дел мало

Руководитель управления взаимодействия со СМИ СК РФ Владимира Маркина знают в лицо лучше, чем его шефа Александра Бастрыкина.

Владимир Маркин постоянно рассказывает нам об успехах следователей, снимается в кино, ведет цикл документальных передач на ТВ, публично пикируется с кремлевскими чиновниками... Его даже стали называть самостоятельной политической единицей.

Стопора в деле «Оборонсервиса» нет

— Экс-министр обороны снова остался в стороне. Обвиняемым не стал, да и в свидетели не торопится: 12 января на заседание по делу Васильевой в суд не пришел. Но 15-го туда все же прибыл и рассказал, как они всё по закону делали... Почему стопорится громкое дело?

— Никакого стопора нет. Сердюков, как вы знаете, попал под амнистию. А что касается

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

Васильевой, это глубокое заблуждение (или специальные вбросы дезинформации), что мы что-то стопорим. Следственные действия в отношении нее завершены еще в ноябре 2013-го, потом полгода она и ее адвокаты знакомились с материалами дела. Следователь даже был вынужден ограничить им срок ознакомления. Потом дело было передано в суд, и в июне 2014-го начались слушания. Дело это многоэпизодное, Васильевой вменяется 12 преступлений. Помимо нее, есть еще несколько фигурантов. Поэтому априори этот процесс не может быть быстрым.

И, кстати, некоторые уже получили по заслугам. Так, в апреле вынесен приговор Динаре Биляловой. Думаю, придет время, когда приговор придется выслушать и главной фигурантке — Евгении Васильевой.

— Билялова, Васильева — не кажется ли вам, что не они все же главные фигуранты? Неужели у нас совсем нет коррупции на высшем уровне? Почему так мало дел с громкими именами?

— Со стороны их всегда будет казаться мало. Правда, непонятно, кто определяет этот критерий. В 2014-м году мы возбудили 21 137 уголовных дел о коррупции. На мой взгляд, это немало. И среди фигурантов есть достаточно громкие имена: депутат ГД Николай Паршин, бывший член Совета Федерации Александр Сабадаш, мэр Ярославля Евгений Урлашов, первый зам. главы администрации Новгородской области Арнольд Шалмуев, бывший мэр Тулы Александр Прокопук, экс-мэр Астрахани Михаил Столяров, бывший глава администрации Ставрополя Игорь Бестужий и другие.

О так называемых заказных делах

— Из перечисленных не все дела воспринимаются обществом однозначно. Так, спорным выглядит дело Евгения Урлашова. Да и в недавнем громком деле по «Башнефти» многие увидели элемент заказа... В чем тут причина — в недостаточном профессионализме следователей или политический заказ действительно существует?

— Выражения «заказные дела», «политические мотивы», как правило, идут от адвокатов, которые пытаются отработать свои гонорары. И чем известнее фигурант, в отношении которого возбуждается уголовное дело, тем более вероятно, что его защитники тут же используют этот уже проверенный прием — начнут вбрасывать в сознание граждан тезис о «политическом заказе». И это идет от них красной нитью абсолютно везде: и в судах, и в прессе, и в обращениях в различные структуры...

— Но, согласитесь, фигуранты не менее громких дел — «Мабетекса», «Андавы» и так далее — в конце 1990-х были большими «тяжеловесами». Но тогда у общества не возникало подозрения, что их дела — заказные. А сейчас... Я вот была на четырех процессах по продлению сроков содержания под стражей известному бизнесмену Левону Айрапетяну (кстати, человеку с 4 тяжелейшими заболеваниями) в рамках дела о «Башнефти». И слышала

доводы защиты, которая была очень убедительна, предоставляла материалы, находила несоответствия в деле и нарушения в следствии, зачитывала показания свидетелей из дела... А представители обвинения слушали все это с улыбкой. И даже не считали нужным отвечать. Кроме общей фразы «Всё в рамках законности», от них мы ничего не услышали. Уверяю вас, такое поведение вовсе не добавляет доверия к следствию.

— Меня удивляет, почему по «Башнефти» так много вопросов и так много защитников... Почему вы не присутствуете на процессах, где обвиняется, допустим, педофил. Почему его жертву — маленького ребенка — никто не защищает? А вот как «Башнефть», так сразу... Нельзя по одному фигуранту делать вывод о профессионализме следователей. На одном процессе они говорят, на другом — нет. Всё зависит от ситуации. Если следователь абсолютно уверен в своей правоте и он ни одну букву закона не нарушил, зачем ему состязаться в красноречии с адвокатом? Следователь и не обязан быть красноречивым. Его аргументы — в тех доказательствах, которые он передает в суд.

Оправдательный процент

— Если бы у нас было больше оправдательных приговоров, люди бы не говорили о том, что суды и обвинение — в одной связке...

— Ох уж эти постоянные упреки либерально настроенной общественности по поводу малого процента оправдательных приговоров по сравнению с американской системой. На самом деле доводы о том, что их суды разбираются объективнее, а наши субъективнее, абсолютно неверны.

У нас совершенно разные формы правосудия. В США фактически нет досудебного расследования — лишь короткий процесс дознания. Основное же расследование проходит уже в суде. Поэтому если суд выясняет, что доказательства вины несостоятельны, он, естественно, выносит оправдательный приговор.

У нас же есть возможность еще на стадии доследственной проверки получить данные, достаточные для того, чтобы сделать первые выводы о наличии (либо отсутствии) состава преступления в действиях того или иного лица. По российскому УПК дела, в которых выяснилось отсутствие состава или события преступления, можно прекратить на стадии предварительного следствия. Либо вовсе не возбуждать, если на то нет достаточных оснований.

Так, к концу прошлого года к нам поступило более 33 тыс. сообщений о коррупционных правонарушениях. И по ним было вынесено более 10 тыс. постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел. И если бы у нас была американская система, то со всеми этими материалами мы приходили бы в суд и получали порядка 30% оправдательных приговоров. Наверное, эту цифру хотят видеть наши правозащитники?

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

— Выходит, следствие безгрешно? И суду не надо даже пытаться установить — не ошибается ли следователь?

— Ошибки допускают все. Вот недавнее решение суда в США, оправдавшего полицейского, который убил чернокожего юношу. Это ошибка или политический заказ? Вы наверняка скажете, что это законно, и суд там объективный и независимый.

Так вот я вам скажу: наше следствие так же объективно и независимо. Для этого и провели реформу прокуратуры в 2007-м, когда отделили следствие от надзора. Раньше прокурор (в одном лице) мог возбуждать дело, надзирать и выступать обвинителем в суде. Сейчас следователь — независимое процессуальное лицо.

А то, что он может ошибаться или, наоборот, что-то делать из корыстных побуждений, глупо отрицать. На то и существует многоступенчатая правоохранительная система, чтобы ошибки следователя (или, как вы намекаете, его субъективность) могли быть исправлены прокурором, который на первоначальной стадии имеет право в течение 24 часов отменить постановление о возбуждении уголовного дела; на завершающей — не утвердить обвинительное заключение или вернуть дело на доследование. И даже если на этой стадии прокурор недосмотрит (или, как вы говорите, необъективно подойдет к вопросу) — есть в конце концов суд, приговор которого также можно обжаловать в нескольких инстанциях вплоть до Верховного суда. Уже не говорю о том, что сегодня есть возможность рассмотрения уголовных дел и судом присяжных заседателей.

Хотя я и не являюсь сторонником этой системы, которую мы фактически скопировали с американской. На мой взгляд, нам больше подходит континентальная модель суда присяжных, более распространенная в странах романо-германской правовой системы — таких, как, скажем, Австрия, Бельгия, Дания, Швейцария. В этом случае вопрос о виновности подсудимого решается смешанной коллегией из присяжных и нескольких профессиональных судей.

Возвращаясь к нашим уголовным делам, могу сказать, что сегодня мы имеем 0,4% оправдательных приговоров по ним. И это говорит лишь о том, что следствие очень квалифицированно и все дела, которые оно передавало в суд, расследовались тщательно, объективно и беспристрастно.

Киргизу повезло

— А дело по Сколково — это мошенничество или коррупция?

— В настоящее время эти уголовные дела расследуются. И мы о них говорили достаточно подробно на стадии возбуждения. Речь идет об экономических преступлениях, расследование которых требует проведения большого объема следственных действий, в том числе сложных

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

экономических экспертиз. Поэтому после завершения следственных действий можно будет сказать, о какого рода нарушениях идет речь.

— Я слышала, что с подачи Счетной палаты СКР добился снижения оклада Виктора Вексельберга, который поначалу положил себе зарплату в Сколково в 2 млн рублей. Правда?

— Это не наш вопрос — кто какие зарплаты получает... Мы возбуждаем уголовные дела, наоборот, по невыплате зарплат. А такое часто случается. Я, к примеру, живу в обычном панельном доме, у нас дворники киргизы. И вот они как-то подошли ко мне целой делегацией и рассказали: нам зарплату уже три месяца не платят. А я же вижу — они хорошо работают. Позвонил в управу... Через два дня зарплату им выплатили. Теперь я периодически интересуюсь, как им платят зарплату.

— Киргизам повезло, что вы живете в том доме.

— Возможно. Вот как-то в радиопрограмме у Владимира Соловьева услышал информацию, что некий бизнесмен не платит зарплату своему коллективу. Я связался с ведущими программы и попросил дать нам координаты, чтобы мы проверили эту информацию. Но, насколько я знаю, пока мы ничего не получили. А мы готовы реагировать на все сигналы, которые поступают к нам — в том числе в интернет-приемную, по «горячей» линии или, как вот в этом случае, через СМИ. Вот, смотрите, какие толстые обзоры публикаций в СМИ мне готовят каждый день, я передаю их председателю СК России.

Вы не представляете, сколько поручений Бастрыкин дает подчиненным по фактам, которые публикуются в печатных или электронных СМИ. Это касается прежде всего нарушений прав социально незащищенных категорий граждан. Приходится констатировать, что они регулярно страдают от равнодушия и черствости чиновников, которые, на первый взгляд, может, и не нарушают закон, но в то же время и не обеспечивают его соблюдения на должном уровне.

— Все это, безусловно, очень важно. Но от центрального управления СКР все-таки ждут прежде всего громких дел. Уровня хотя бы дела экс-министра финансов Подмосковья Кузнецова, благодаря чьим махинациям до банкротства практически была доведена вся область. Его, кстати, экстрадируют наконец из Франции?

— Надеюсь. Вот сколько лет мы уже бьемся... Постоянно находятся какие-то причины. В демократической Франции постоянно существует множество оговорок и бюрократических препонов для того, чтобы (чего, казалось бы, проще?!) выполнить решение суда. У нас же для исполнения решения суда такого рода не требуется виза президента или премьер-министра. И при этом французы сегодня пытаются учить нас демократии.

Бастрыкин никому не отказывает

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

— Почему, если все так прекрасно в СКР, людям, чтобы добиться качественного расследования, приходится обращаться напрямую к Бастрыкину? Рассказывают, что он принимает граждан чуть ли не до глубокого вечера.

— А почему многие напрямую обращаются к президенту? Вот и в нашем председателе, как и в президенте, они видят не просто должностное лицо, а прежде всего человека. И никакая пропаганда или антипропаганда не сможет изменить у народа мнение об этих людях, потому что оно передается из уст в уста.

Действительно, к Бастрыкину обращаются с жалобами на следователей, которые, может быть, не всегда достаточно усердны, внимательны, иногда поверхностно относятся к просьбам граждан. И чем больше обращаются к нему с такими жалобами, тем меньше остается нерадивых, равнодушных следователей и руководителей на местах. Поверьте, после каждого приема граждан он не только дает разнос подчиненным, но и принимает соответствующие кадровые решения. И сейчас уже немало людей, проявивших невнимательность к обращениям граждан, поплатились своими должностями.

Бастрыкин и правда принимает людей — всех, кто к нему приходит, — до глубокой ночи, потому что у него нет лимита времени на посетителей, даже если человек, казалось бы, пришел не по адресу (что бывает нередко). Например, часто приходят по уже состоявшимся решениям суда. Зачастую люди просто нуждаются в утешении или каком-либо профессиональном совете.

— Как вы с ним познакомились?

— Познакомился, когда он меня пригласил работать. Насколько я знаю, были и другие кандидаты на эту должность. Ну а то, что председатель выбрал именно меня... наверное, у него были на это какие-то основания. Надеюсь, я оправдываю его доверие.

— А вам зачем это надо было? Вы же были вполне успешны в Фонде интеллектуальных технологий...

— Это был для меня определенный вызов, если хотите — вызов судьбы. Я из той категории людей, кто не боится делать шагов в неизвестность... предварительно, конечно же, все тщательно взвесив.

— Ваш шеф не ревнует, что вы стали популярнее и более узнаваемы, чем он?

— Думаю, что нет (улыбаясь). Ну а популярность, о которой вы говорите... Еще неизвестно, что она несет больше для меня — позитива или негатива.

За кулисами

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

— Вы сами решаете, по каким делам озвучить информацию по ТВ? Или это — прерогатива Бастрыкина?

— Поскольку между нами давно сложилось взаимопонимание и доверие, я уже на подсознательном уровне понимаю, где могу сам принимать решения, а когда необходимо посоветоваться, и, естественно, получаю и какие-то непосредственные указания от него.

— А кто решает, что из подробностей того или иного резонансного дела можно делать достоянием общественности, а что нет?

— Только следователь. Поэтому мы советуемся, выясняем, огласка каких подробностей может навредить расследованию, а каких — нет. Часто бывает и так, что следователи сами обращаются с просьбой дать определенную информацию, которая может помочь расследованию. Так что мы решаем еще и прикладные задачи. Но в наших сообщениях, кроме информационного, заложен еще и большой профилактирующий смысл. Публично показывая результаты работы следователя, можно говорить не только о формировании в сознании людей принципа неотвратимости наказания, но и в целом правовой культуры.

— У вас есть медаль «За верность служебному долгу». Что это была за ситуация, которая потребовала столь исключительной верности?

— Это же не за взятие Берлина награда. Медаль «За верность служебному долгу» предполагает не разовый поступок или подвиг, а деятельность на протяжении определенного периода. Раз мне ее вручили, значит, руководство посчитало, что я достоин такой награды. У меня, кстати, есть и другие награды.

А иногда я в соцсетях читаю про себя: «За какой подвиг ему дали генерала?» Звание генерала, для сведения, так же, как и полковника, и майора, присваивают в соответствии с той должностью, которую человек занимает, и, естественно, за определенные достижения при исполнении им своих обязанностей в этой должности. Сегодня руководитель управления взаимодействия со СМИ СК РФ — должность генеральская, и в соответствии с Указом президента я получил звание генерал-майора юстиции в 2011 году. Кстати, во всех правоохранительных органах люди, занимающие должность, подобную моей (и неважно, кто они, мужского или женского пола), как правило, тоже носят генеральские погоны.

Украинские дела

— Зачем СКР возбуждает так много дел по Украине? Ведь понятно, что толком расследовать там ничего не удастся.

— А вы хотите, чтобы мы безучастно смотрели на весь тот произвол, который там творится? Когда убивают мирных граждан, детей, похищают и пытаются российских журналистов, и все это

под прикрытием некой антитеррористической операции.

А что касается целесообразности или даже законности возбуждения этих дел, в которых несведущие люди сомневаются, то скажу вам, что в ст. 12 УК РФ закреплено: иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в России, совершившие преступление вне ее пределов, подлежат уголовной ответственности, если преступление направлено против интересов нашей страны или ее граждан. И эта уголовная ответственность наступает именно по нормам нашего законодательства, если те, кто совершил преступления, не были осуждены в иностранном государстве. А ситуация такова, что правоохранные органы Украины игнорируют эти факты.

И я категорически не согласен с тем, что нам не удастся их расследовать. Нынешняя власть на Украине не вечна. Я убежден: рано или поздно, если не российские, то международные суды будут рассматривать эти деяния по аналогии с Нюрнбергским процессом.

Ведь речь идет о военных преступлениях, что, кстати, подтвердила и международная правозащитная организация Human Rights Watch, признав факты использования кассетных боеприпасов и систем залпового огня против мирного населения на юго-востоке Украины. Кроме того, недавно и Международный уголовный суд в Гааге принял заявление московского отделения Красного Креста о преступлениях, совершенных представителями Украины в Донбассе.

И как показывает история, рано или поздно все, кто совершает подобные преступления, отвечают за них. Вот тот же бывший грузинский лидер Михаил Саакашвили в день открытия Олимпийских игр в Пекине отдал приказ о вводе войск в Южную Осетию и нападении на российский миротворческий корпус. Тогда мало кто на западе осудил эти циничные и жестокие действия. А сейчас этот поедатель галстуков бежит по миру и боится вернуться в Грузию под страхом ареста. И неудивительно, что убежище предоставили ему в той стране, которая и организует подобные акции по всему миру. У нас же расследовано уголовное дело по статьям: «геноцид», «убийство», «применение запрещенных средств и методов ведения войны». Копии его материалов направлены через МИД в Международный уголовный суд (по его запросу). Нормы международного права не позволяют нам объявить в розыск Саакашвили. Он хоть и бывший глава государства, но обладает иммунитетом от иностранной уголовной юрисдикции. Но, как я уже говорил, его непременно ждет суд, а какой — покажет время.

Пикировка с сильными

— В 2012 году вы публично выразили неудовольствие замечаниями премьера Медведева по поводу следователей, проводивших обыски рано утром. А в 2013-м так же публично отчитали тогда вице-премьера Суркова за высказанную им в Лондоне критику СКР. Вам за это что-то было?

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

— А что должно было быть? Я как работал на своем месте, так и, надеюсь, еще поработаю.

— Говорят, Суркова понизили из-за вашей статьи: 7 мая вы ее напечатали, а 8 его сняли...

— Мне 8 мая пришла смс от Сергея Доренко: «С днем Победы». Я сначала не понял — праздник-то завтра... А потом мне звонят — уволили Суркова. Но я не думаю, что моя статья стала поводом для его отставки. Просто так совпало.

А о том, что ответил публично, не жалел ни тогда, ни сейчас. Я ведь вступался за честь, достоинство и репутацию не только и не столько СКР, сколько всех правоохранительных органов. И, поверьте, если будет подобная ситуация, вновь выскажу свое мнение.

После 18:00 — сам себе генерал

— Такое впечатление, что вы все хотите попробовать. Были журналистом, продюсером, поруководили СМИ в масштабах Подмосковья... Теперь вот, возглавляя пресс-службу СКР, подались в документалисты на ТВ. Не чувствуете ли вы, что используете административный ресурс? Ситуация, когда «до 18:00 я лицо СКР, а после — частное лицо» тут вряд ли сработает.

— Это — творчество, и никто не запрещает заниматься им ни мне, ни любому другому сотруднику Следственного комитета. На мой взгляд, присутствие творческой составляющей в работе лишь помогает добиться максимального результата.

Я увлекаюсь историей. И документальный цикл на «Звезде» — моя инициатива и мой личный взгляд на историю. Это проект, не имеющий никакого отношения к моей работе, но имеющий самое непосредственное отношение ко мне, как к личности, как к гражданину. И запретить мне высказаться никто не может. Причем, заметьте, в начале цикла у меня есть слова: «Я снимаю погоны и провожу свое журналистское расследование». Не побоюсь сказать, что в этот проект я вложил душу.

Съемочная группа работала в Германии, Польше, Болгарии. К сожалению, у меня не было возможности съездить в эти страны, но на выходных, в свое личное время, мне удалось побывать в Крыму и записать синхроны.

Я, кстати, в Крыму побывал в третий раз в жизни. И каждый раз был в разных странах. Первый раз — это был СССР, второй — Украина, а третий — когда полуостров вернулся в Россию. Это очень символично. Причем, так получилось, что первый и третий раз были связаны с приятными впечатлениями, а от второго остались негативные воспоминания.

Раскрою тайну — у меня есть и другие замыслы, которые для кого-то могут стать весьма неожиданными. Кроме того, я работаю еще над парой авторских проектов, но они уже в

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

большей степени затрагивают мою профессиональную деятельность. В ближайшее время смотрите на одном из федеральных каналов.

19 Января 2015

Адрес страницы: <https://sledcom.ru/press/interview/item/888712>